

ОКТАБРЬ В ЖИЗНИ ПРОСТОГО, СРЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА

АРАБЕСКИ

Разбирая архив Н. Ф. Погодина, я обнаружил эту статью, написанную его своеобразным почерком, как обычно, на одной стороне листа. Под ней стоит его подпись. Это значит, что

готовая статья почему-то не была отправлена Погодиным по назначению — в адрес какого-то французского агентства печати, которое, как видно из материала, обратилось к нему с вопросом: «Что дал Октябрь простому, среднему человеку в России?».

Можно было бы допустить, что Погодин послал в агентство отпечатанную на машинке статью, а в его архиве сохранился ее рукописный оригинал. Но тогда при оригинале обязательно находились бы одна-две машинописные копии...

В статье отсутствует дата ее написания, но исходя из слов: «Сейчас в связи с возобновлением на сцене Московского Художественного театра моей пьесы «Кремлевские куранты»...», — можно предположить, что статья была написана в 1955 году, когда Погодин работал над новой редакцией «Кремлевских курантов».

Это предположение подтверждается и такими словами автора: «Прошлым летом я вылетел в районы освоения целинных земель...». Тогда же, в 1954 году, в журнале «Театр», №№ 8 и 10, были опубликованы его «Путевые заметки».

Следовательно, статья «Октябрь в жизни простого, среднего человека» была написана Н. Ф. Погодиным летом 1955 года и теперь публикуется впервые.

Алексей ВОЛГАРЬ,
секретарь Комиссии по литературному наследию и увековечению памяти
Н. Ф. Погодина при Союзе писателей СССР

И вот беда. Множество людей именно так привыкло судить о нашей жизни. Я не могу даже обвинять этих людей в предвзятости, не стану настаивать на том, что они судят поверхностно и легкомысленно, ибо с точки зрения внешних впечатлений они по-своему серьезно рассуждают, и применительно к своим понятиям они правы.

Дальше я сам поговорю о наших шляпках, ботинках и галстуках, а пока скажу о том, чего не могут знать ни одна парижская актриса, ни множество теперешних туристов, приезжающих к нам. Знай они то, что знаем мы, то все курьезы со шляпками и некрасивыми галстуками на них бы, пожалуй, никакого впечатления не произвели.

И для того чтобы об этом реально, жизненно рассказать, надо вспомнить настроения первого года войны, когда мы отступали. Я помню бесконечные и довольно резкие разговоры того трудного времени, в которых подвергались осуждению широкие культурные затраты Советской власти в годы, предшествующие войне с фашистами.

Пусть простят меня мои французские читатели, но слова из песни не выкинешь — в то ужасное время наши люди с негодованием говорили о падении Парижа и лишь с проклятием могли думать о самой возможности повторения парижской трагедии в Москве.

Мы все с неудовольствием твердили в те дни, что, может быть, напрасно наше правительство не вело жесточайшей экономии во всем, что напрасно оно не держало нас в черном теле...

— Лучше годы лишений, чем отдать хотя бы на время Москву фашистским ордам, — так говорили все мы — от интеллигенции до простых крестьян.

До этого ужаса дело у нас не дошло. Немцы под Москвой были неслыханно для них побиты.

Для иностранного туриста это воспоминание является фактом внешней истории, для нас, русских современников, это часть нашей жизни, часть нашей национальной души и величайший факт нашего сознания.

А дамские шляпки, замечу попутно, особенным блеском у нас и до войны не отличались...

После гастролей французской комедии у нас в Москве прошел слух о том, что будто актрисы закупили в Москве шляпок и устроили дома у себя публичную выставку, чтоб посмеяться, какие старомодные шляпы носят наши женщины.

Многие утверждают, что это правда... не знаю... может быть. И прежде чем приняться за мои пестрые заметки, мне этот случай пришел на память потому, что такая вещь могла случиться, ибо дамские шляпки у нас, вероятно, и старомодные, и неизящные, и смешные.

Если бы я был на месте парижских актрис и судил о жизни далекого моим понятиям страны по шляпкам, то я сказал бы:

— У них дело плохо.

Мы знаем что-то такое, что вселяет в нас громадную гордость, которую уже начинал окончательно терять простой, средний человек до Октябрьской революции. Когда со мной встречается и беседует современный иностранец, дружески или недружески настроенный, ему, конечно, в голову не приходит, что для меня крепостное право, а на западном языке «рабство» — понятие отнюдь не умоуменьшающее.

Моя мать помнила день отмены крепостного рабства в России, ибо была дочерью закрепощенных крестьян, а великий русский писатель Чехов говорил о том, что он ежедневно вытравляет в себе раба.

Вот какие арабески на экране памяти вырисовываются у меня, когда я начинаю размыш-

лять о том, что дала среднему, простому человеку Октябрьская революция. К ее моменту мы оставались страной полуфеодальной со всеми «удовольствиями» полуфеодального быта, когда мужик кланялся в пояс господам, когда было принято у господ «целовать ручку», когда в русском языке по отношению к этому среднему, простому человеку доминировало понятие «серой скотины».

И только мы одни опять-таки знаем о себе нечто такое, чего никто из наших соседей, гостей, злых и добродушных критиков знать не может. Это ужасающая, беспросветная, дикая отсталость, из которой нас вывел Великий Октябрь.

Сейчас в связи с возобновлением на сцене Московского Художественного театра моей пьесы «Кремлевские куранты» мне понадобилось просмотреть текст этой пьесы и снова возвратиться в своих воспоминаниях ко времени ее действия.

Двадцатые годы... Свыше четверти столетия отделяет наши дни от событий, которыми полна пьеса, но я вдруг ловлю себя на чувстве изумления, которое возникает у нас перед забытыми картинами древности. В этой пьесе Ленин говорит о том, что Россия отстала от цивилизованного мира на триста лет, и мне теперь кажется, что я как автор что-то преувеличил.

Я раздумываю снова, мог или не мог сказать это Ленин... Вижу наш южный город в снегах зимы двадцать первого года, с тусклым светом ночных фонарей, с тифом, страшным голодом, с заводами, на которых станки приходилось двигать ручным способом, потому что электрической энергии не хватало...

Мог сказать Ленин.

Сущность нашей ужасающей отсталости была не столько в том, что первая мировая война, а за войной интервенция превратили Россию в промышленное кладбище. Нет. До революции наша полуфеодальная страна была еще и полукOLONIALной. На Западе было принято говорить, что у нас по улицам ходят медведи, но о том, что Россия давала колониальный простор для огромных прибылей, об этом умалчивалось...

Мы откуда-то с Запада, по всей вероятности из Франции, ввозили бельевые кнопки, пуговицы и булавки, которые до недавних времен именовались английскими.

В пьесе «Кремлевские куранты» проходят сцены нашей советской старины, когда Ленин объявил электрификацию России как единственно возможный и неслыханно смелый выход из ее промышленного и экономического тупика. Мне при этом вспоминается посещение Советской России писателем-фантастом Гербертом Уэллсом. Он был у Ленина, говорил с Лениным об электрификации, назвал Ленина «кремлевским мечтателем», Россию увидел «во мгле» (так называлась его книжка) и в книжке своей писал о том, что вскоре у нас исчезнут железные дороги и города...

Не будем сейчас тревожить знаменитого покойника поздними упреками, тем более что он приезжал в Россию, когда ее города расцвели. Я напоминаю о его мрачных предсказаниях лишь для того, чтоб представить читателю, какие ужасающие картины отсталости и разорения увидел у нас Уэллс, если ему казалось, что великая громадная нация стоит на краю полной гибели остатков своей культуры.

И все это мы знаем, как никто знать не может. Это живая и незабвенная биография всякого простого человека моего поколения. Когда он серьезно раздумывает о том, что дала ему Октябрьская революция, то снять со счетов этого он не может.

В жизни народа, как в жизни отдельного человека, есть нечто крайне невыразимое, тонкое, почти неуловимое национальное «нечто», что отличает француза от американца и двух последних — от негра Африки. Я говорю о тонком и неуловимом социальном качестве, оставляя в стороне другие очевидные, яркие и резкие признаки.

Может быть, это неуловимое качество входило в классическое понятие духа народа, может быть, он и есть самый дух народа, который освещает романы Толстого и Бальзака непередаваемым светом.

Мне по профессии драматического писателя приходится раздумывать над этими вещами. Как понять и выразить дух советского человека? Не знаю. Если бы я мог сделать это в этих

записках или в одной из своих драм, то, наверно, я совершил бы великое дело. Выразить дух народа — значит, раскрыть его душу, его национальный гений. Так утверждали классики.

Но все-таки я наблюдаю наших людей и могу что-то сравнивать, и я имею все основания сказать о русских людях, что у них стала натура шире после Октября.

А это огромное качество, чего и выразить нельзя и что может двигать горы. Это великодушие, в котором надо очень тонко разбираться, и невиданная отвага, из которой мог родиться фантастический Сталинград. Многие наши гости удивляются русскому радушию, с которым мы всюду встречаем их и не спрашиваем при этом, к богатым или бедным классам они принадлежат и в какой политической партии состоят...

Последнее обстоятельство, по-моему, говорит о широте взглядов, хоть нас долгие годы изображают за границей как узких сектантов. О радушии надо сказать отдельно.

Русское гостеприимство — вещь общеизвестная для всякого, кто более или менее знает Россию, но особенное, советское радушие — это качество появилось в нашем народе уже после Октября. И это качество стоит в прямой связи с вопросом о том, что же дал Октябрь среднему человеку в России?

Когда этот средний человек, даже самый маленький, встречается случайно на улице иностранца, он, этот самый маленький человек, неизменно осознает себя представителем всего советского народа и, значит, ответственным лицом, то есть хозяином собственной Родины. Тут уж ничего не поделаешь — такова реальность, которую нельзя отрицать, как нельзя отрицать всякую очевидность.

Уверен также, что многие мои читатели поймут, какой это огромный фактор в жизни человека — его гражданское самочувствие. Отсюда гордое, если хотите, уверенное хозяйское радушие, когда уже любому — и маленькому, и самому отсталому — советскому человеку отнюдь не безразлично, как чувствует себя у нас иностранный гость.

Я обещал вернуться к галстукам и дамским шляпкам. Да... Это, как ни странно и как ни досадно, очень узкий, преходящий, технический вопрос — о культуре производства. Вещи, как правило, делаются у нас из добротных материалов, но делаются без достаточного современного вкуса и изящества. Но культура, по смыслу широкого понятия, возникает из

культа, который может быть культом лишь в том случае, если он длительно, настойчиво и традиционно насаждается кем-то, потом из узкого культа делается привычкой и, наконец, потребностью миллионов людей. Откуда же в стране, еще недавно полуфеодальной и полуколониальной, в стране до Октября по преимуществу крестьянской, откуда — спросим себя — возникнуть культу вещи?..

Как бы мы ни сердились, все равно нормальный процесс культуры производства должен пройти все необходимые стадии... Я вспоминаю первые дни пуска автомобильного завода в Горьком. Это было примерно двадцать пять лет тому назад. Завод изумлял тогда современным оборудованием, но между рядами уникальных станков ходили в тяжелых валенках деревенские парни и девицы, которые с равнодушием невежд смотрели на иностранные уникалии. А директор завода, видный коммунист и специалист в автомобильном деле, мне шептал:

— Да, они темные люди... но других нет.

Теперь эти «темные люди» сделали почтенными автомобилестроителями и выпускают марку за маркой современные комфортабельные машины.

Я мог бы с речувательством заинтересовать читателя, рассказывать сотни историй, подобных тому, как мы овладели культурой производства автомобиля, но в конце концов весь мир знает, что без величайшей промышленной революции СССР не достиг бы нынешнего уровня могущества великой державы.

Нам Октябрь дал могучую Родину — это, говоря просто, неплохой подарок нынешним и будущим молодым поколениям, которые без страха взирают на свое будущее. Но я хочу привести еще один пример, страшно поразивший меня.

Прошлым летом я вылетел в районы освоения целинных земель, примерно за пять тысяч километров от Москвы. Изучая жизнь молодежи, выехавшей в эти далекие степи, я встретился со многими биографиями детей войны, потерявших семьи. В особенности это относилось к молодежи наших западных районов, через которые прошла война и где долгое время продолжалась оккупация. Что же меня поразило?

Дело в том, что люди моего поколения являются живыми свидетелями кошмарных последствий первой мировой войны. Тогда нам потребовались широкие государственные меры по борьбе с детской уличной беспризор-

ностью. У меня нет под руками цифр для сравнения, но нетрудно представить себе, какая волна детской беспризорности должна была пройти по России после второй мировой войны.

Я говорю о том, что было у нас в нашей стране и что стало теперь. Теперь я встречал молодых людей, которые выросли без родителей и не прошли через ужасы нищеты, голода, бродяжничества, преступности.

Государство в первые же послевоенные годы оказалось и достаточно чутким, и достаточно сильным, чтоб широко и организованно ликвидировать неизбежно печальные последствия войны.

И как это дорого! Как гуманно! Как человечно!

В степи Казахстана я обедал с молодыми парнями у их палаток в тракторной бригаде, которая запахивала десять тысяч гектаров чернозема под посевы пшеницы.

Обед проходил весело и интересно, потому что молодые трактористы рассказывали мне, как и почему они поехали поднимать целину. Мои юные собеседники оказались «товарищами по несчастью», почти у всех близких людей унесла война. Но острота семейных утрат давно сгладилась, как ни тяжело без родителей, и все же легче жить, когда с детства не видел отчаяния одиночества. Все мои собеседники получили семилетнее образование, имели прочные специальности и на целину приехали закладывать прочную жизнь, построить собственные дома, обзавестись семьями... Впрочем, молодежь эта уже потом здесь, на месте, принимала решения на будущее, а ехали сюда они по великой народной традиции помогать государству в его огромных государственных начинаниях.

Мне нравилось непринужденно болтать с этими парнями, которые и в Москве, на заводе, и в рядах армии, и здесь, в глухой степи с ее огромными пространствами, — словом, всюду привыкли чувствовать себя как дома — хозяевами.

Октября они не свершали. Прошлое России представляют смутно. Все, что есть, они принимают как должное — и то, что после войны их заботливо воспитала Родина, и то, что им не грозят никакие беды, и то, что здесь, в казахских степях, возникают большие перспективы.

Мне хочется рассказать им, что было бы с ними, если бы в России не произошло Октябрьской революции, но боюсь, что они мне не поверят, ибо иной жизни представить себе не могут...